

Эдикт предписывает, чтобы в случае обвинения свободного человека в совершении какого-либо преступления он был бы или приведен в суд, или содержался под охраной в частном доме⁵⁵. За нарушение этого предписания в качестве наказания эдикт устанавливает смертную казнь⁵⁶. Это свидетельствует о том, что остготское правительство придавало большое значение защите свободного человека от посягательств на неприкосновенность его личности. Этому посвящено и другое, не менее важное предписание эдикта Теодориха, запрещающее под страхом смертной казни посягательства на жизнь свободного человека. Данное постановление эдикта гласит следующее: „Если кто-либо прикажет или захочет убить без вины человека, не выслушав его и не имея на то власти (*sine potestate*) и без соответствующего приговора судьи, то пусть будет предан смертной казни как виновный в человекоубийстве“⁵⁷.

В тесной связи с этими предписаниями эдикта Теодориха, охраняющими неприкосновенность личности свободного человека в остготском государстве, находятся и другие постановления того же эдикта, направленные против ложных доносов⁵⁸, лжесвидетельств⁵⁹ и подкупа свидетелей⁶⁰. Для предотвращения ложных доносов на свободных людей обвинитель еще до начала следствия должен был выдать судье письменное обязательство в том, что в случае, если он не сможет доказать выдвинутого им обвинения, он готов подвергнуться тому же самому наказанию, какое по закону грозило обвиненному им человеку⁶¹. Более того, вплоть до вынесения судебного приговора и обвиняемый, и обвинитель равным образом подвергались предварительному заключению⁶². Предварительное заключение отменялось только в тех случаях, когда преступление было незначительным и обвиняемый мог быть взят на поруки, или когда он был столь знатен, что в силу своего общественного положения не мог быть подвергнут аресту до приговора судьи⁶³. В другой статье эдикта Теодориха за ложный донос, даже сделанный под предлогом общественной пользы, устанавливается в качестве наказания сожжение, т. е. самая суровая кара, какую только знало законодательство того времени⁶⁴.

Правда, в реальной действительности той эпохи виновные в совершении ложных доносов не всегда, повидимому, наказывались столь сурово, а иногда смертная казнь через сожжение заменялась менее тяжким наказанием: Кассиодор сообщает о таких случаях, когда ложные доносы наказывались денежным штрафом⁶⁵. Но, во всяком случае, суровость законодательства остготского правительства в отношении лиц, виновных в совершении ложных доносов, весьма показательна для стремления правительства пресечь возможные незаконные посягательства на имущество и личность свободных людей. Эдикт Теодориха, кроме того, запре-

⁵⁵ ETh, § 8: „... aut ad iudicium deducatur, vel in privata habeatur cuiuslibet praesumptione custodia“.

⁵⁶ Ibid., § 9: „Si quis autem aliquid eorum admiserit, ad violentiae poenam, quae capitalis est se non dubitet esse rapiendum“.

⁵⁷ Ibid., § 99.

⁵⁸ Ibid., § 13, 35, 50.

⁵⁹ Ibid., § 14, 42.

⁶⁰ Ibid., § 91.

⁶¹ Ibid., § 13.

⁶² Ibidem.

⁶³ Ibidem. Ср. Cassiod. *Variae*, I, 37; II, 13; IV, 5; VIII, 31 (*fideiussor*). *Sponsio legitima* — Cassiod. *Variae*, III, 36; IV, 32; V, 34.

⁶⁴ ETh, § 35. Наказание введено самим законодателем. Ср. Cassiod. *Variae*, I, 9; IX, 15; F. Dahn. *Die Könige der Germanen*, Bd. IV, S. 62.

⁶⁵ Cassiod. *Variae*, III, 35.